

УДК 821.512.31

doi: 10.18101/1994-0866-2016-5-37-45

БЕЛЛЕТРИСТИКА ИЛИ МАСКУЛЬТ? ОБ ОДНОЙ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ БУРЯТИИ

© *Имхелова Светлана Степановна*

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: 223015@mail.ru

В статье рассматривается характерная для современного литературного процесса республики тенденция – серьезное отношение издательств и «толстого» литературно-художественного журнала «Байкал» к жанрам несерьезным, которые в критике принято называть низовыми и причислять к так называемой массовой литературе. На примере сборника рассказов «Новая проза» (2015) и криминальных повестей Петра Мананникова (2009–2015) дана характеристика этой тенденции. Рассказы и повести причисляются к беллетристике и анализируются с позиций ее срединного положения между «высоким» и «маскультовым» пластами современной литературы. Большую роль в их иерархическом положении играет успех у читателя, а также отзывы в литературной критике, репутация в издательских и журнальных кругах. Утверждается, что в читательском признании такой литературной продукции многое решает прежде всего гуманистический, нравственный пафос авторов современной беллетристической прозы.

Ключевые слова: современный литературный процесс, читатель, проза, беллетристика, массовая культура, низовые жанры, криминальная повесть.

В последние годы читатель нашей республики не раз сталкивался с явлением, к которому в издательской и журнальной практике принято проявлять снисходительность, относя его к развлекательной сфере. Так, в журнале «Байкал» появилась рубрика «Читальный зал», где можно было обнаружить и с увлечением прочитать тексты так называемой беллетристической прозы, не настаивающие на принадлежности к «высокой», серьезной литературе, но вызывающие горячий интерес читателя. Другой пример — альманах, или сборник рассказов под названием «Новая проза» [6], вышедший в издательстве «НоваПринт» как результат проведенного конкурса среди писателей, пишущих на региональные темы в жанрах детектива, триллера, мелодрамы. Рассказы — победители конкурса — были вначале опубликованы в еженедельнике «Информ Полис» и стали рекламной акцией издательства в Год литературы: ведь эта газета является одним из самых популярных СМИ в республике и ее тираж составляет 30 000 экз. А значит, если ее читает отдельная семья, то опубликованные рассказы прочитали как минимум сто тысяч читателей. Затем была оперативно издана книга из 28 лучших рассказов писателей-конкурсантов, и она также не прошла незамеченной, в том числе в критике [2].

Наиболее же оперативным изданием художественной прозы всегда был «толстый» журнал, каким является в республике вполне респектабельное и уважаемое издание «Байкал». Но сегодня уж очень переменялась жизнь, и в ситуации, когда чтение (особенно в среде молодежи) ушло в сферу развлечения, «Байкал» вынужден открыть рубрику «Читальный зал» наряду с «серьезным» разделом «Проза» и даже завести «журнал в журнале» под названием «Омулевая бочка», чтобы публиковать тексты начинающих авторов. В этом как раз видится несомненная жизнеспособность нашего «толстяка».

Этот жанр можно отнести к беллетристической литературе как составной части текущего литературного процесса, а она сообщается с двумя другими — серьезной, элитарной и массовой, развлекательной литературой. Беллетристика способна скатиться и в ту, и в другую сторону — таково ее срединное положение. Более того, роль беллетристики и массовой литературы заключается в том, что последняя может поделиться идеями с «высокой» литературой. Такой текст иногда читается с куда большим удовольствием, чем другой, помещенный в рубрике журнала с серьезным наименованием «Проза», потому что брызжет идеями, стремительным действием, искрометным диалогом, юмором, и читателю порой кажется, что он читает отменный текст.

Можно согласиться с критиками, считающими, что современная элитарная проза не всегда обладает динамичностью сюжета, присущей, например, детективу, и часто элитарный прозаик пишет раз от раза в одной и той же манере, не отличаясь многообразием контактов с читателем. Зато представитель масскульта или добротный беллетрист может похвалиться и сюжетной дерзостью, и жанровым разнообразием. Вот и Петр Мананников криминальную повесть может прорезать лирической интимностью автобиографических рассказов, а в рассказе-триллере «Сирота», кстати, также опубликованном в альманахе «Новая проза», воспроизведет шекспировски-трагическую ситуацию и решит ее в чеховском духе: герой-вор «отмажет» другого вора, спасет ему жизнь и на удивленный вопрос следователя ответит: «Не всем же быть честными и распятыми, как Иисус Христос. Но я дал ему шанс» [6, с. 93].

Рассказ Мананникова, как и все остальные рассказы альманаха, оказываются за рамками требований, которые предъявляются к «элитарной» прозе и поэзии. Это то, что требовательные читатели и критики называют «литературным мусором», даже графоманством, дилетантством, непрофессиональным словесным творчеством. Это то, что сегодня часто встречается в разных сегментах культурного пространства, как то: конкурсы, издательские проекты, деятельность интернет-сообществ. Вот и четыре номинации, объявленные в конкурсе издательства «НоваПринт», проходят по ведомству «масскульта»: триллер, детектив, приключенческая, дамская проза. Считаю, что к подобным текстам специалисты должны подходить с какими-то иными критериями. Например, есть термины, которые используются в разговоре об авангарде, — примитив (без доли уничижительности) и графоманство

как прием (термин А. Жолковского), а в нашем случае имеется такой, например, как формульная литература.

Все 28 авторов альманаха, чьи симпатичные фото красуются на его обложке, ухватились за предложение небольшого частного издательства, существующего без господдержки (в отличие от издательства «Бэлиг» или Республиканской типографии) и попробовавшего впервые за десять лет своего существования «раскрутить» новых наиболее талантливых авторов, да так, чтобы наряду с дебютантами смогли «отметиться» и писатели уже известные, чьи имена на слуху у читателей республики. Все авторы выполнили условие конкурса — их рассказы привязаны к региональному пространству-времени, и обязательное требование местного колорита распространялось на выбор персонажей — «героев нашего времени». Их облик так пестр, так многообразны их занятия, причудливы мысли и чувства, что понимаешь: социологу дан прекрасный материал для изучения современной культурной ситуации.

Открывают альманах рассказы из номинации «Дамский» (женский, любовный). Как и всякая женская проза, они о поиске и выборе Мужчины своей жизни, о женской верности, материнском долге. Они далеки от постановки острых социально-политических проблем, тем не менее некоторые из них вполне могли появиться на страницах «серьезных» журналов и сборников прозы. Например, название рассказа Надежды Гуменюк «Там, где Байкал берет начало» (второе место в номинации) символично, потому что началом всему выступает чистая и светлая любовь, которая не заканчивается даже со смертью любимого. А рассказ «Гибель Цаганской степи», заслуживший первое место, пусть относится ко времени исторически отдаленному, поведал о героях, которые могли бы реально жить рядом с нами, и ее автору-дебютанту Ирине Булдаевой отдали предпочтение читатели «Информ Полиса», поддержав своим голосованием мнение профессионального жюри. Необычный психологический эксперимент представила Баира Бальбурова в рассказе «Кто, если не ты».

Кстати, представительницы прекрасного пола открыто демонстрировали литературный талант не только в «своей» номинации. Их рассказы в номинации «Триллер» (мистика) могли соперничать с прозой по-настоящему «мужской» — это «Человек с фонарем» Арюны Итигиловой, «Потусторонний маршрут» Надежды Варфоломеевой, «Наваждение» Светланы Нестеровой. К тому же авторы-женщины прекрасно могут повествовать от лица мужчины — человека мыслящего, задумывающегося о смысле жизни, о совести, памяти, других извечных вопросах («Блики солнца» Раджаны Буянтуевой, «Роман с ангелом» Виктории Май). Отличает такую прозу большая сосредоточенность на глубинных движениях человеческой души, а она ведь куда более загадочна и сложна, чем кипящие вокруг общественные страсти.

Номинация «Детектив», хотя и содержит всего четыре рассказа, но они, быть может, по своему художественному уровню наиболее сильные в альманахе. Ведь читатель детективных историй сможет обнаружить, что речь в них идет о чем-то большем, например, содержит ответ на вопрос, чем и как

живет современный человек: живет «как судьба ляжет». Этот ответ вложен в уста героя рассказа «Сирота» Петра Мананникова, автора уже состоявшегося. И Петр Мананников и Александр Пакеев (первое место за рассказ «Алиби») вместе с только что пришедшими в литературу Олегом Баклановым («Заячьи бега») и Олегом Мархеевым («Мертвая мечта») проявили не только понимание законов жанра, умелую повествовательную технику, но выразили главную мысль всего сборника – человек и под ударами судьбы испытывает острое желание, иногда неосознанное, инстинктивное, остаться верным себе, своей человеческой сущности.

В номинациях «Приключенческий» и «Триллер» опубликованы рассказы Галсана Нанзатова (их два – в порядке исключения), которые были отмечены жюри: и «Пассажир» (первое место в номинации «Приключенческий»), и «Кукла» очень сильны по своему воздействию на читательское восприятие благодаря гуманистической сверхзадаче и пафосу. Это далеко не случайно, ведь Галсан известен читателю и как драматург, чьи пьесы уже увидели свет театральной рампой. Не забудем, что остро драматического действия так часто недостает современным повествованиям. В номинации «Триллер (мистика)» победу одержал остроумный фантастический замысел авторского тандема Цокто Жигмытова и Чингиса Цыбикова «Люся, Кроха и Толян». Читатель наверняка оценит живость действия, разнообразие языковых находок и, конечно же, полет фантазии авторов, выступающих еще и пропагандистами литературной классики.

Не затерялись среди победителей конкурса авторы таких интересных рассказов, на которые обратили внимание все члены жюри, – «Лейб-гвардия Шаргай-нойона» Сергея Левченко, «Кража» Баира Сибиданова, «Странные похороны» Леонида Кузнецова. Свои баллы от членов жюри по достоинству получили и Александр Бузин с рассказом «Расставание», и Пурбо Дамбиев — рассказ «Сода».

Разумеется, многим начинающим авторам еще потребуется помощь профессиональных редакторов, литературных консультантов (она нужна и опытным писателям). Но пусть данное обстоятельство не закроет энергичного движения, ритмов этой «новой прозы», ее увлекательных мыслей и оригинальных идей, способных восхитить свежими образами и закрученной фабулой. И в столкновении этого заряда авторского вымысла с читательским воображением, хочется верить, возникнет читательское соучастие, соавторство, зажгутся ответные искры подлинной гуманности. Отрадно, что редактор издания Октябрина Дамдинжапова, чьими стараниями состоялся и конкурс, и сборник-альманах, видит в планах издательства дальнейшую работу с лучшими авторами литературы, пусть даже «массовой», но достойного качества для достойной аудитории.

Разумеется, масскультовым произведениям, возможно, суждена недолгая жизнь, но есть некая социокультурная закономерность в их появлении. А значит, вполне показательным можно считать возникновение в нашем литературном пространстве писательской личности Петра Мананникова. Основной корпус написанной Мананниковым прозы — криминальные повести

(их пока 6), хотя в начале литературской деятельности увлекался поэзией, студентом Бурятской сельхозакадемии состоял в литобъединении под руководством Галины Раднаевой, а первыми публикациями художественной прозы стали автобиографические рассказы о детстве (2008), которые он издал в виде двух книг для детей: «Семейские посиделки» и «Тарбагатай — деревня моего детства» (2011, 2012).

В жанре криминальной прозы Мананников писал именно для журнала «Байкал», видимо, потому, что журнальные тексты пишутся иначе, чем книги. В. Шкловский еще в 1920-е гг. хвалил таких писателей, которые не пытаются специально делать «литературу» из своих текстов, но тем не менее они становятся «литературой». По В. Шкловскому, это вполне уважаемое ремесло, которое сможет быть включено в так называемую большую литературу, а она, как считал известный критик и литературовед, — не та, что печатается в толстых журналах, а та, «которая правильно использует свое время, которая пользуется материалом своего времени» [7, с. 396]. В. Шкловский имел в виду прежде всего авторов такой литературы — фельетонистов, создавших авантюрную дилогию (сериял) о Великом Комбинаторе, чтобы потом ее признали настоящей литературой, чтобы такой сноб и эстет, как Владимир Набоков, включил ее в 100 лучших текстов мировой литературы.

Эта «новая проза» оказалась интересной, потому что для нее существует «питательная среда». Вот почему с такой прозой следует считаться, ведь она предлагает покончить с иерархизированной структурой литературного процесса и предлагает такие инновации, на которые ранее не обращалось внимания. Наивная, простая (профанная) оптика массовой прозы такова, что, как на фото, можно увидеть нечто, что становится частью неотъемлемого времени, культуры, культурного пространства. Здесь вспоминается сверхактуальная тематика повестей Мананникова «Золотой треугольник» (2011, № 6) и «Нулевой меридиан» (2014, № 1).

Тексты Мананникова пишутся и держатся за счет того, что их автор все и не делает вид, что он Писатель. Стратегия эта когда-то была сформулирована Сергеем Довлатовым: есть писатели, которые пишут о том, *как должны* жить люди, а есть такие, кто пишет о том, *как живут* люди [1, с. 393]. Разница, действительно существенная, заключается в отношениях с читательской аудиторией, отвергающей или, наоборот, требующей морализаторского итога, но всегда ищущей удовольствия от чтения.

Главное же, повести Мананникова приносят читателю удовлетворение, ведь ему порой неважно, о чем там идет речь: о золотой лихорадке или наркотиках, махинациях со спиртом, мясом, мехом или других криминальных явлениях. Важно, что написаны они лаконичным стилем без всяких примесей и отвлекающей жвачки, что в них столько искусных поворотов в сюжете, которыми автор держат тебя в напряжении до самого финала. Именно это качество, присущее, например, повести «Розовый опель» (2010, № 6), выглядит очень неожиданно в соседстве с «серьезной» прозой в журнале, которая не ставит перед собой подобной задачи.

Картины в повестях писателя построены по кинематографическому принципу – это почти сценарии, где автором хорошо усвоены уроки визуальности и реальность запечатлена так, что способы видения для читателя даже кажутся в чем-то новыми. Конечно, лаконизм его повестей – это вовсе не та «нагая проза» классиков, но сегодня она востребована своей «киношностью». Во всяком случае, Мананников не только учится у писателей-классиков, но и опирается на приемы современного кинематографа. Не гнушается уроками и современной иронической прозы, используя подтекст и афористичность фразы. Например: «Хождение сейнера по морю чем-то сравнимо с бултыханием в финском унитазе. И там, и тут бурные потоки могут быстро затянуть в опасный водоворот» («Нулевой меридиан») [5, с. 139]; «Из мутного потока... щелкнули хищные зубы крокодилов. “Мелкие и кровожадные...”, — подумал проводник. “Привыкайте жить среди крокодилов”, — раздался скрипучий голос контрабандиста опия»; «Что-то остро ударило в нос Ивановского. Он мгновенно вспомнил юность, деревенский свинарник и голос покойной матери: “Федька! Зараза, почисти стайку, в кино не пущу...”» («Золотой треугольник») [3, с. 119, 124–125]; «Утвердили (генерал получил хлебное место) с третьего раза. Терять время зря он не желал. Пример нищей деревенской жизни его родителей подталкивал к активным действиям на новом месте службы»; «Привычка врожденного двоечника выкручиваться из любой ситуации не давала ему исполнить свои прямые обязанности» («Империя меха») [4, с. 83, 91].

Да, сегодняшняя литература должна быть визуальной, многое особенно хорошо видно не по словесным, а визуальным вещам. Мананников избегает пейзажных зарисовок, портретных описаний – они ему не нужны. Совсем как сценарист, он изредка курсивом поясняет читателю какие-то изгибы в сюжете, а часто в этом вовсе нет необходимости. Ритм, вещи, детали – и этого достаточно. Имеется, как в массовом искусстве, еще одна «киношная» черта — сериальность: герой первой повести «Спиртовый барон» (2009, № 4) Павел Шишкин появится затем в «Золотом треугольнике» проводником-бароном (на этот раз опиумным), сопровождающим в опиумный «рай» туристов с толстыми кошельками.

В «Империи меха» есть комичная ситуация: обозленный оперативник гонит чабана, пожаловавшегося на кражу его коня Карьки, со словами, дескать, речь идет о миллионах, а он тут нюни распустил, но именно на этом-то Карьке находчивые воры как раз вывезли целую кучу украденного меха. Вообще же изображенный в повести масштаб коррупции снизу доверху просто ужасает, он-то и составляет предмет социальных наблюдений автора.

Да, иногда кажется, что ты смотришь криминальный сериал, где кровь льется рекой (у Мананникова льются еще и целые реки разного алкоголя, выпиваемого его героями), а нам не страшно, читатель только усмехается – особенно в повести «Золотой треугольник», где три улан-удэнских миллионера решили пощекотать нервы в организованном новым Великим Комбинатором турпутешествии в опиумную южно-азиатскую страну, из которого двое так и не вернулись. Его герои совсем не похожи на ладно скроенных,

симпатичных мужских особей (на взгляд дамы, начитавшейся розовой макулатуры и насмотревшейся фильмов о накаченных мачо типа Рокки), кажется, что они часто списаны с бомжей, или, скорее, с сегодняшних безработных скучающих мужиков, не знающих куда «бросить кости». Таковы почти спившиеся безработные, ставшие бесправными батраками северного рыболовецкого хозяйства в «Нулевом меридиане». А в повести «August» (2013, № 3) Колька Стулёв ничуть не брезгует присвоить чужое и затем шантажировать спекулянтов-перекупщиков, и объектами его неприкрашенных действий становятся «плохие» дяди — всякие жулики и другой криминальный сброд. Но герои не теряются в этом мире, оказываются способными выживать в нем во что бы то ни стало — другого им просто-напросто не остается. Колька Стулёв, по профессии штукатур-маляр, по случаю оказавшись в мире криминала, оказавшись этаким Комбинатором, выходящим сухим из щекотливых, часто опасных для жизни ситуаций и заканчивает криминальный опыт своей жизни хэппи-эндом на радость читателя.

Выделю из авантюрной прозы писателя повесть «Империя меха». В ней, быть может единственной, можно встретить неприкрытую авторскую симпатию, лишённую ироничности, к героям — степнякам-монголам, несчастным и бесправным на русской таможне, которая насквозь погрязла в тотальной коррупции. И хотя они воруют собственный отобранный у них мех монгольского тарбагана, а затем, разбогатевав, мстят своим обидчикам, — они просты в изъяснении своих чувств, человечны по отношению к украденной лошади по имени Карька (для кочевника конь — сакральное существо). Но и их постигает в финале авторское осуждение, правда, не без теплого чувства: едущие в степи на двух джипах недавние изгои встречают родственницу бабушку Долгор, которая, обрадовавшись, хочет вручить им тугрики — долг внучки. Новоявленные богачи сулят оставить их как подарок, на что старая женщина отвечает: «Я только плитку зеленого чая от тебя в подарок приму. А все остальное у меня есть...» [4, с. 105]. Да и финал повести «Спиртовый барон» в чем-то напоминает «Золотого теленка» Ильфа и Петрова: герой, вдруг ставший миллионером, грустен, потому что хочет подарить любимой маме малазийский рай, но она отказывается от него...

На наш взгляд, любое произведение текущего литературного процесса, пусть обладающее проходящей ценностью и невысокими эстетическими достоинствами, достойно внимания, потому что может способствовать постижению идейного и эстетического портрета современности. Тем более что сами авторы «несерьезной», беллетристической прозы, понимая свое скромное место в литературных баталиях, очень даже осведомлены в подлинной писательской иерархии и способны отвечать требованиям строгих судей — литературных критиков. Перу Мананникова принадлежит очерк о коллеге-соплеменнике «Голая правда», в названии которого он очень точно сформулировал свое понимание профессионализма автора-литератора, ведь голая, лаконичная фраза в его авантюрной прозе отвечает самому важному ее смыслу: рассказать о правде нашей жизни, порой неприкрашенной, но рас-

сказать так, чтобы она была доступна для честного, нравственного взгляда читателя.

Литература

1. Довлатов С. Дар органического беззлобия // Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Азбука, 2000. Т. 4. С. 387–394.
2. Имixelова С. Знакомьтесь: новая проза // Байкал. 2015. № 5. С. 139–141.
3. Мананников П. Золотой треугольник // Байкал. 2011. № 6. С. 104–129.
4. Мананников П. Империя меха // Байкал. 2010. № 2. С. 78–105.
5. Мананников П. Нулевой меридиан. Криминальная повесть // Байкал. 2014. № 1. С. 124–151.
6. Новая проза: альманах: рассказы участников литературного конкурса. Улан-Удэ: НоваПринт, 2015. 240 с.
7. Шкловский В. Гамбургский счет: статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М.: Сов. писатель, 1990. 543 с.

**BELLES-LETTRES OR MASS CULTURE? ABOUT ONE TREND
IN THE MODERN LITERARY PROCESS OF BURYATIA
(exemplified by Ivan Kalashnikov's novel "Exiles")**

Svetlana S. Imikhelova

DSc in Philology, Professor, Department of Russian Literature, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article deals with the trend of serious attitude of Buryat local publishing houses and popular fiction magazine "Baikal" to "frivolous" genres, which critics consider low and reckon in so-called mass literature. We characterize this trend on the example of short stories collection "New prose" (2015) and criminal novels by Petr Manannikov (2009–2015). These stories and novels are ranked to belles-lettres and analyzed from the standpoint of its middle position between "high" and "mass culture" strata of contemporary literature. Strong hierarchy position of such fiction is determined by success among readers, and also reputation in literary criticism, publishing and magazine circles. We consider that humanistic and moral pathos of this type of literature is the main reason for its popularity.

Keywords: modern literary process, the reader, prose, belles-lettres, mass culture, "low" genres, criminal novel.

References

1. Dovlatov S. Dar organicheskogo bezzlobiya [The Gift of Organic Kindliness]. Dovlatov S. *Sobranie sochinenii — Collected Works*. In 4 v. V. 4. St Petersburg: Azbuka Publ., 2000. Pp. 387–394.
2. Imikhelova S. Znakom'tes': novaya proza [Meet New Prose]. *Baikal*. 2015. No. 5. Pp. 139–141.
3. Manannikov P. Zolotoi treugol'nik [Golden Triangle]. *Baikal*. 2011. No. 6. Pp. 104–129.
4. Manannikov P. Imperiya mekha [Empire of Fur]. *Baikal*. 2010. No. 2. Pp. 78–105.
5. Manannikov P. Nulevoi meridian. Kriminal'naya povest' [Prime Meridian. Crime Novel]. *Baikal*. 2014. No. 1. Pp. 124–151.
6. *Novaya proza: al'manakh* [New Prose: Almanac]. Ulan-Ude: NovaPrint Publ, 2015. 240 p.
7. Shklovskii V. *Gamburgskii schet: stat'i — vospominaniya — esse (1914–1933)* [The Hamburg Reckoning: Articles — Memoirs — Essays (1914-1933)]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 543 p.